

В то же время встречается немало и таких названий животных, которые несут характеристическую функцию во французском языке и не имеют ее в русском, например, уже упомянутое существительное *chameau* 'верблюд'. Во французском языке оно обозначает злобного, нехорошего человека. Русское *верблюд* не связано прочно с каким-то определенным признаком, хотя и несет в себе потенциально отрицательную экспрессию. Оказионально можно назвать верблюдом уродливого человека, например имеющего большой горб, а также того, кто плюется (на базе устойчивого сравнения *плюется как верблюд*). Но при отсутствии мотивировки в контексте или в ситуации это слово воспринимается как «пустая» характеристика

Л. А. Шабашева

О СУГГЕСТИВНОСТИ ТЕКСТОВ ГИ де МОПАССАНА

Импрессионистическое восприятие мира основывается, как известно, на явлении впечатления. Художники запечатлевают непосредственное впечатление от увиденного в природе: «Художник-импрессионист действует как ребенок, воспроизводя не объекты, а поглощающую их атмосферу, мерцание, движение, феерию света, соотнося на полотне чистые цвета солнечного спектра вместо смеси цветов на палитре» (Дж. Ревальд). Зрительный эффект в описаниях природного кадра они сознательно соотносят с чувствами, ведь «драма бурной природы столь похожа на драму жизни» (Л. Г. Андреев). Известно также, что комбинации цветов спектра имеют эмоциональные соответствия, например, радость – это желтый и красный; также радость может быть выражена движением линии и ее направлением вверх и направо; печаль, наоборот, – вниз и налево (Там же). Вследствие этого импрессионистические образы и сюжеты заставляют интенсивно работать воображение, вызывая эмоциональные переживания, открывают новое в миропонимании или обновляют старое, другими словами, обладают суггестивностью.

«Литературная энциклопедия» под ред. Н. Бродского определяет суггестивность как выражение известного настроения – мысли, так или иначе «окрашенной» (напр., чувством изумления). Суггестивно внушаются 9 настроений: любви, смеха, сострадания, гнева, мужества, страха, отвращения, откровения, спокойствия. Настроения, в свою очередь, «образуют эмоциональный фон для протекающих психических процессов» и связываются с эмоциональными состояниями, вызываемыми какими-либо объектами или явлениями (например, картинами или мелодиями). В таком случае говорят о настроении объекта (картины, мелодии).

Как и импрессионистическая живопись, тексты Ги де Мопассана обладают ярко выраженной суггестивностью, создавая эмоциональный фон/атмосферу для истории-повествования внушением соответствующих настроений и характеризуя общий тонус жизни и поведения героев, их основные ценности и личностные стороны, отношение к жизненным ситуациям.

В следующем тексте, например, писатель создает настроение *радости* в момент, когда героиня романа «Une Vie» Жанна ожидает изменений в своей жизни. Ее душа полна грез о будущем (*épuisée de rêve, rassasiée de visions heureuses...*):

«Dans un petit village on alluma les lanternes; et le ciel aussi s'illumina d'un four-millement d'étoiles. Des maisons éclairées apparaissaient de place en place, traversant les ténèbres d'un point de feu (...) : alors elle regardait au-dehors, voyait dans la nuit lumineuse passer les arbres d'une ferme (...)». Героиня отмечает в светлой ночи фонари, мириады звезд, освещенные дома и движущиеся деревья, что внушает сравнение с движением ее собственных счастливых мечтаний о будущем.

Счастливое настроение порождает смех и любовь, которые ощущаются в высказывании Jeanne et le baron soupèrent en tête à tête. «Ils souriaient en se regardant, se prenaient les mains à travers la table, et, saisis tous deux d'une joie enfantine, ils se mirent à visiter le manoir réparé». Это настроение фиксируется не только глаголом *sourire* и выражением *saisis ... d'une joie enfantine*, но и деталью *se prenaient les mains à travers la table*.

А описание жаркого летнего зноя во время морской прогулки акцентирует внимание на солнце *qui dardait ses flammes, épuisé d'ardeurs*, которое *précipitait sa chute empourprée comme par le désir de leur embrassement*; небо *torride, d'un bleu miroitant et jauni comme s'il allait devenir rouge*; море, *fiancée monstrueuse, attendait l'amant de feu qui descendait vers elle*. Описание природных состояний внушает сравнение с моментами любовной страсти, переживаемыми в данный момент героями. Жанна, в особенности, поглощена этими переживаниями и не замечает намеков, внушающих беспокойство: *fiancée monstrueuse, l'amant de feu*, уже содержащихся, однако, в описании.

Атмосфера душевного *спокойствия* воспроизводится благодаря описанию покоя моря и неба, находящих отклик (*s'étendait*) в состоянии и чувствованиях героев «... *ce repos illimitée de la mer et du ciel s'étendait aux âmes engourdis où pas un frisson non plus ne passait*».

Но, по мере того, как судьба героини оборачивается своей темной стороной, в описаниях появляются нотки *грусти*, как, например, в описании продрогшего в своей монотонности осеннего пейзажа, соответствующего психологическому настроению героини:

«Les avenues détrempées par les *continuelles averses d'automne* s'allongeaient, couvertes d'un épais tapis de feuilles mortes, sous la maigreur *grelottante* des peupliers presque nus. Les branches grêles *tremblaient au vent*, agitant encore quelque feuillage prêt à s'égrener dans l'espace. Et sans cesse, tout le long du jour, *comme une pluie incessante et triste à faire pleurer...*». Эти природные состояния внушают болезненные ощущения: «...ces dernières feuilles, toutes jaunes maintenant... se détachaient, tournoyaient, voltigeaient et tombaient... et le *murmure des feuilles tombées et sèches* que la brise poussait, remuait, amoncelait en tas par endroits, *semblait un douloureux soupir d'agonie*».

И, наконец, настроение *отвращения, ужаса и гнева* сопровождает описание состояния Жанны, узнавшей о низости поведения своего мужа, его предательстве и подлости, проявившихся в измене со служанкой Розали, родившей от него ребенка:

«La plaine, les haies, les ormes des clôtures, tout semblait mort, tué par le froid. De temps en temps, on entendait craquer les arbres, comme si leurs membres de bois se fussent brisés sous leur écorce; et parfois une grosse branche se détachait et tombait, l'invincible gelée pétrifiant la sève et rompant les fibres».

Таким образом, соответствуя психологическому контексту повествования, описания Мопассана обладают суггестивной силой, внушая читателю соответствующие чувства и настроения.